

ДИСКУРСИВНАЯ ПОЛИЛОГИЧНОСТЬ ТРУДОВ Н.И. КАРЕЕВА*

Елена Михайлова

В статье дана конструктивно-критическая оценка попыткам Н.И. Кареева подняться над барьерами европоцентристского взгляда на философию истории. В творческом наследии Кареева выявлены два условия преодоления локальной дискурсивности и выхода в интеркультурное пространство мысли: владение как можно большим числом языков и умение вести конструктивный диалог. Лингвистические способности помогли Карееву стать исследователем-полиглотом, способным избегать односторонних трактовок социокультурного развития, а также преодолевать терминологическую путаницу, неизбежно возникающую в разных языках. Умение вести конструктивный диалог с современниками помогло Карееву стать интерпретатором, способным размышлять поверх национальных барьеров. Показано, что Кареев стоит на позиции поливариантной исследовательской рефлексии, имеющей два аспекта: психологический и инструментальный. В психологическом отношении собеседник должен уметь настраиваться на тональность позиции оппонента. В инструментальном отношении каждый участник диалога должен не только говорить на языке собеседника, но и овладеть тонкостями перевода. В качестве аргументов приведены примеры конструктивно-критических оценок Кареевым суждений Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса и Н.Я. Данилевского. Сделан вывод о том, что, оставаясь приверженцем европейского идеала человечества, Кареев контекстуально, даже неосознанно, закладывал фундамент интеркультурной методологии, признающей важность изучения многополярного пространства культур.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, философия истории, культурный диалог, полилог.

Тверской государственной технической университет

The article considers N.I. Kareev's attempts to overcome the Eurocentric approach to the philosophy of history. According to Kareev, there are two skills necessary for getting over local discursiveness and turning it into intercultural thinking: the ability to speak as many languages as possible and the ability to carry on a constructive dialogue. Since Kareev was a polyglot, he was able in his research to avoid one-sided interpretations of sociocultural development as well as terminological misuse. The ability to conduct a constructive dialogue (direct or indirect) with his contemporaries helped Kareev to interpret texts and ideas above national barriers. It is shown that Kareev takes the position of polyvariant research reflection, which has two aspects: psychological and instrumental. Psychologically, the interlocutor must be able to tune in to the tone of the opponent's position. Instrumentally, each participant in the dialogue should not only speak the language of the interlocutor, but also strive to master the intricacies of translation and interpretation of concepts. Examples of Kareev's constructive-critical assessments of the judgments of Ernst Bernheim, Charles-Victor Langlois, Charles Seignobos and Nikolay Ya. Danilevsky are given as arguments. It is noted that Kareev was able to feel the resonant themes of his time. Consequently, the polylogical nature of his works can be viewed as a communicative reaction to everything new in science. It is concluded that, while remaining committed to the European ideal of humanity, Kareev contextually, even unconsciously, laid the foundation for an intercultural methodology that recognizes the importance of studying the multipolar space of cultures.

Keywords: N.I. Kareev, philosophy of history, cultural dialogue, polylogue.

© Михайлова Е.Е., 2021

<https://doi.org/10.31119/phlog.2021.2.142>

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт сопорографического исследования» № 20-011-00071.

Рассуждая об интеркультурной методологии, можно использовать разные типы приемов и процедур, два из которых фиксируются как основные: рефлексия и дискурс. Рефлексия – работа на углубление, утомительная вдумчивость, направленность мышления на осознание собственных исходных позиций для их уразумения и применения в научной сфере [4, с. 116–117]. Дискурс – специфическое коммуникативное событие, в широком значении, или форма языкового взаимодействия, в узком значении [3, с. 131]. Взятые воедино, рефлексивность и дискурсивность видятся важными для формирования умения вести разговор со сторонниками и оппонентами; разговор, в котором задается единство многообразного и формируется некое ценностное пространство, которое работает таким образом, что не подавляет, не переплетает, не ранжирует, а высвечивает и усиливает идеи каждого из участников диалога.

Зафиксировав приемы рефлексии и дискурса, можно понаблюдать их в действии, на примере текстов Николая Ивановича Кареева, русского историка, философа истории. Сразу следует ответить на два уточняющих вопроса: почему для анализа выбраны тексты именно Кареева и не является ли тавтологией словосочетание «дискурсивная полилогичность»? Ответом на первый вопрос служит мой исследовательский интерес к творчеству Кареева и тот факт, что все его теоретические труды базируются на обширном и скрупулезно изученном историографическом материале; ни одна значимая книга не оставалась без его внимания, она переводилась на русский язык, в случае необходимости, и интерпретировалась в русле главной темы. Под этим, собственно, и понимается дискурсивная полилогичность. Сложнее ответить на второй вопрос о возможных возражениях в отношении самой формулировки «дискурсивная полилогичность». Дискурсивность – очень широкое понятие и для данной статьи предпочтительно выбрать такой аспект, который бы фиксировал форму и характер общения ученых. Поэтому из всего многообразия значений остановимся на таком понятии дискурса, как коммуникативное событие. Кареев умел чувствовать резонансные темы. Следовательно, полилогичность его трудов выглядят как коммуникативная реакция на все новое в науке. С такой точки зрения, теоретические вклады Кареева могут представлять собой интересный результат полноценного обращения к наследию классиков, а также к актуальным текстам его современников. Разумеется, сам Кареев не использовал термин «дискурс» в том значении, какое мы придаем ему сегодня. Однако его исследовательская позиция нацелена на создание общей языковой среды и общего события, по поводу которого разворачивается обмен мнениями. Что, собственно, и является дискурсивной полилогичностью.

Ярко выраженные лингвистические способности делали Кареева исследователем-полиглотом, способным преодолевать локальное языковое пространство и ослаблять, тем самым, дискурсивные культурные различия. Свободно владея французским, немецким, он легко понимал носителей языка, читал в подлиннике трактаты западноевропейских теоретиков. Его лингвистические интересы проявились уже в университете и постоянно расширялись. Например, начав преподавание в Варшавском университете, он освоил польский язык [13, с. 116, 165]. В результате

чтение подлинников давало возможность русскому ученому исключать имманентный субъективизм переводчика, а профессиональное образование историка обеспечивало высокий уровень грамотной интерпретации текстов.

Рефлексивность, разумеется, – это свойство любого человека и как личности, и как теоретика. В случае с Кареевым рефлексивность усиливала его талант ученого. Если приглядеться к его исследовательской манере, то можно заметить два момента: первый – к анализу текста, классического или современного, он подходил с уже определившейся собственной исходной позицией; второй – в ходе анализа под действием аргументов он корректировал свои взгляды. Все это позволяло Карееву вступать с автором текста в опосредованный разговор «на равных» (в том числе и в языковом отношении), по поводу общей темы исследования и с желанием согласовывать результаты. Например, по теории исторического познания Кареевым был проанализирован труд Э. Бернгейма «Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichts-Philosophie», вышедший в свет в 1889 г. и переведенный в 1908 г. на русский язык в кратком изложении под названием «Введение в историческую науку». Здесь Кареев – не просто читатель или интерпретатор; он дает конструктивно-критическую оценку. В одних случаях соглашается с автором, в других – не соглашается. Соглашается, например, с немецким теоретиком в том, как нежелательно смешение научной и художественной задач в историческом исследовании; а не соглашается с тем, как широко Э. Бернгейм трактует методологию науки, понимая под ней общее учение о существовании метода науки. Не прошел мимо взора Кареева исследовательский «пробел» в труде Э. Бернгейма – полное отсутствие указаний на русские исторические труды [11, с. 353, 363].

Изучая книгу Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории», изданную в 1899 г., Кареев не стесняясь, публично признается в том, что французские коллеги удивили его новизной постановки некоторых разделов общей теории истории, стимулировали исследовательский интерес к источниковедению, к критике и интерпретации источников, к эвристическим способам познания. Начиная разрабатывать вопросы методологии истории, он внимательно следил за спором о «старом» и «новом» направлении в истории, развернувшемся в Германии и Франции, считал полезным для себя прочитать книгу А. Берра «La synthese en histoire» (1911) [11].

Дискурсивная полилогичность Кареева проявляется во владении иностранными языками и способностью пользоваться ими в общении, прямом или опосредованном, т.е. посредством текстов друг друга. Его исследовательская позиция нацелена на создание общей языковой среды и общего события, по поводу которого разворачивается обмен мнениями. Такая способность помогает Карееву решать две задачи: избегать односторонних концепций и преодолевать терминологические разногласия. Об этом говорят эпистолярные дискуссии Кареева: с Н.Я. Данилевским – о сильных и слабых сторонах теории культурно-исторических типов; с К. Бюхером – о метафизическом окрасе его концепции трех стадий экономической эволюции, с Л. Гумпловичем – о приоритетности социального мира над лично-

стью. Его сравнительный анализ концепций Т. Карлейля и Л.Н. Толстого – о соотношении роли личности и народных масс – также иллюстрирует умение вести интеллектуальный диалог [5, с. 91-93].

В философско-исторических трудах Кареева рельефно высвечивается проблема диалогического взаимовлияния культур Запада и Востока. Конструируя собственный вариант всеобщей истории, он использовал методологический потенциал историографии, которая к тому времени, по мнению исследователей, стала смело претендовать на роль теоретико-методологической парадигмы социального знания [7, с. 37]. Каждый новый том «Истории Западной Европы в Новое время» Кареева начинался с обширного историографического обзора и с аналитики ключевых текстов, посвященных этому периоду. Так, Кареев солидаризировался с Кондорсе в том, что крестовые походы положили начало «разговора» между Западом и Востоком. У этого же автора он заимствовал мысль о позитивной смысловой нагрузке «переходных» эпох в истории. В заслугу философии истории Боссюэта, Лорана и Гегеля русский историк ставил постановку вопроса о двух мирах во всемирной истории – Востока и Запада, с их культурно-историческими различиями. У Шеллинга он считал привлекательной идею дуальности и ценностного обмена культур Запада и Востока, а также идею разделения местной и всеобщей истории. В теоретических выкладках Гизо Кареев обращал внимание на идею многофакторности диалога культур. Соглашаясь с Боклем о наличии общих закономерностей, воздействующих на характер психической и социальной жизни разных народов, он все же считал нужным подчеркнуть важность понимания внутренней оригинальности и не тождественности культур [8, с. 159–160].

Культурный диалог, по мысли Кареева, вызревает в истории Запада и Востока постепенно, в течение многовековых контактов между народами, через преодоление таких традиционно негативных способов взаимодействия, как насилие, отчуждение или слепое копирование. Выделяя западный и восточный культурные типы, русский историк находил естественные причины их возникновения, главными среди которых являются общность территорий и плотное взаимодействие, ведущее к взаимовлиянию. В работе «Общий ход всемирной истории», которая была задумана как аналитический обзор всемирной истории в целом, Карееву удалось нарисовать широкую палитру взаимоотношений культурных миров. Они объединяются, обособляются, выступают в качестве преемника, играют главную или второстепенную роль, чувствуют свое единство, заимствуют, подчиняются, приспосабливаются и т.д. Весьма противоречивый в своих исторических формах, диалог культур, согласно Карееву, может на время прерваться, чтобы затем зазвучать в новых условиях, предполагающих плотное общение и совместную деятельность народов-соседей [12].

Дискурсивность Кареева проявлялась в его постоянных усилиях по уточнению понятий. В своих историко-философских трудах он старался распознавать смысл терминов в пластах сразу нескольких языков. Например, он замечал, что термину «интерпретация» теоретики придают разное значение: у Ланглуа и Сеньобоса оно узкое, как критика достоверности факта, у Бернгейма, наоборот, широкое, как оценка факта [11,

с. 413]. Другой пример связан с терминами «цивилизация» и «культура». То, что Гизо и Бокль называли цивилизацией, немецкие ученые обозначали термином культура. На взгляд Кареева, такое смешение терминов не совсем корректно, так как эти слова «не вполне между собой совпадают». Сам же он одобрял позицию П.Л. Лаврова, согласно которой культуру можно понимать, как сложившееся состояние общества, а цивилизацию – как процесс развития культуры. И с сожалением отмечал, что такая градация не обратила на себя внимания со стороны западных теоретиков [11, с. 423].

Как позитивист Кареев – сторонник поливариантной рефлексии. Он понимает, что нужны равные условия для разговора теоретиков, из которых главные: готовность каждого принимать позицию другого и обоюдное «знание тонкостей языка» [11, с. 413]. Именно поэтому, осваивая теоретические пласты новоевропейской литературы и следуя за новыми идеями, он не чувствовал должной отдачи со стороны западных коллег, не видел их аналогичной скрупулезной работы над русскими исследованиями. Например, анализируя обширную литературу по проблемам социологии, Кареев одобрительно отмечал интенсивный обмен идеей между теоретиками разных стран, рост числа переводной литературы. И здесь же с сожалением упоминал, что «русская социологическая литература остается до сих пор совершенно неизвестною на Западе» [10, с. 365]. В такой ситуации, иронизировал Кареев, вряд ли Дюркгейм узнает о существовании «самой сильной и глубокой» статьи, написанной Н.К. Михайловским на его книгу «О разделении общественного труда» [10, с. 369]. Схожую тональность имеет и другой пример. В своей статье «Два новых немецких историографических труда» (1911) Кареев отмечал, что в них неоправданно отсутствуют указания на русские исторические исследования, в частности, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

Конструкции всеобщей истории Кареева демонстрируют тот факт, что философско-исторические изыскания могут и должны разворачиваться на платформе равноправного культурного взаимодействия. И здесь, на его взгляд, первые подвижки уже видны. Например, важность русских работ по истории революции признали французские историки, среди которых даже стало употребляться выражение «русская школа» [11, с. 502]. Впоследствии, в схожем регистре будут звучать суждения отечественных (Б.Г. Могильницкий) и западных (А. Валицкий) исследователей истории русской философии, которые позитивно оценят монографию Кареева «Крестьяне и аграрный вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879) и напомним читателям, что К. Маркс в письме к М.М. Ковалевскому назвал эту книгу превосходной [1, с. 396; 7, с. 38].

В заключении можно предложить два вывода, которые не являются окончательными, а приглашают к дальнейшему теоретическому разговору о возможностях формирования интеркультурной методологии.

Первый вывод: при всей полноте понимания Кареевым традиционных и актуальных проблем философии истории, при всем его умении быть включенным в обсуждение резонансных тем, с учетом его лингвистических способностей, его труды в Европе были мало известны. Кареев

не получил признания со стороны западных коллег, подобно тому, как, например, был оценен Н.А. Бердяев [2; 6] или А.А. Богданов [9]. Почему – это вопрос для другого разговора. В любом случае, в Европе Кареев воспринимался лишь как представитель «русской школы» в истории французской революции и представитель «субъективной школы» в социологии. Стараясь поддерживать научную коммуникацию с европейскими учеными, Кареев, тем не менее не смог наладить взаимообогащающий диалог. Известны примеры того, как русские и западноевропейские мыслители в прямом диалоге воздействовали друг на друга, о чем, например, свидетельствует переписка Бердяева и Бубера [2, с. 21]. На фоне этих примеров дискурсивная полилогичность Кареева выглядит как игра в одни ворота.

Второй вывод. В историсофских построениях Кареева обнаруживается попытка, пусть до конца еще незавершенная, но важная, уйти от европоцентризма. Вопрос о взаимодействии культур, в частности, Запада и Востока, постепенно становится в трудах Кареева центрирующим. Он начинает задаваться вопросами: что такое культура? под воздействием каких факторов зарождаются разные культуры и какие этапы они проходят в своем развитии? как осуществляется взаимодействие культур и каковы плоды культурного диалога? чем отличается западный и восточный тип культуры и что между ними общего? Пытаясь ответить на эти вопросы, Кареев обращался к многообразным источникам, трудам мыслителей XVIII в. и XIX в., к работам современников, изучавших проблему взаимовлияния различных культур. Особо замечен его критический взгляд на разного рода проявления «узкого национализма». В своих воспоминаниях Кареев цитировал завет А. Мицкевича о времени, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся» [13, с. 171]. Он критиковал тех, кто пытался прямо или косвенно возвысить свою культуру. Среди них – Н.Я. Данилевский, воспевавший потенциал славянства, Ф. Гизо, утверждавший преимущества французской цивилизации, Г. Бокль, считавший эталоном историю Англии, В. Джоберти, верящий в гражданское и моральное первенство Италии [5, с. 96]. Оставаясь приверженцем европейского идеала человечества, Кареев контекстуально, во-многом даже и неосознанно, закладывал фундамент интеркультурной методологии, признающей важность изучения многополярного пространства культур.

Литература

Исследования

1. *Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+, 2013.
2. *Гуревич П.С.* Н.А. Бердяев в контексте европейской философии // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 13–31.
3. *Дейк ван Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и власти. М.: ЛИБРОКОМ, 2015.
4. *Ильин В.В., Лебедев С.А., Губман Б.Л.* Введение в философию. М.: Проспект, 2019.

5. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М.: МГОУ, 2016.
6. Куприянов В.А., Малинов А.В. И.И. Евлампиев. Русская философия в европейском контексте // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 214–217.
7. Малинов А.В. Эволюция методологий: Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Мат-лы Всеросс. науч. конф. с межд. уч. В 2 ч. Ч. 2. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 36–41.
8. Михайлова Е.Е., Соболева Н.А. Н.И. Кареев о диалоге культур в русле воззрений западноевропейских философов XVIII–XIX веков // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2020. № 3 (53). С. 150–161.
9. Рыбас А.Е. Рецепция философских идей А.А. Богданова на Западе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 4. С. 25–29.

Источники

10. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.
11. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избранные труды / Сост. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 352–548.
12. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
13. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990.

Mikhailova, Elena E. *Discursive polylogicality of N.I. Kareev's works*

References

1. Valitsky, A. (2013), *Istoriya russkoy mysli ot prosveshcheniya do marksizma* [The history of Russian thought from enlightenment to Marxism], Kanon+, Moscow.
2. Gurevich, P.S. (2015), *N.A. Berdyaev v kontekste evropeyskoy filosofii* [N.A. Berdyaev in the context of European philosophy], in *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures], no. 3 (37), pp. 13–31.
3. Dijk, van T. (2015), *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i vlasti* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Power], LIBROKOM, Moscow.
4. Plyin, V.V., Lebedev, S.A., and Gubman, B.L. (2019), *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to philosophy, Prospekt, Moscow.
5. Kosarskaya, E.S. (2016), *The problem of the typology of sociocultural development in the philosophy of history of Russian positivism of the late 19th – early 20th centuries*, Ph.D. Thesis, Moscow Region State University, Moscow.
6. Kupriyanov, V.A., and Malinov, A.V. (2018), *I.I. Evlampiev. Russkaya filosofiya v yevropeyskom kontekste* [I.I. Evlampiev. Russian philosophy in the European context], in: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 10, pp. 214–217.
7. Malinov, A.V. (2019), *Evolyutsiya metodologiy: N.I. Kareev i A.S. Lappo-Danilevskiy* [Evolution of methodologies: N.I. Kareev and A.S. Lappo-Danilevsky], in:

- Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogilnitskogo)* [Historian's creative laboratory: horizons of the possible (to the 90th anniversary of B.G. Mogilnitsky)], Materials of the All-Russian Scientific Conference, Part 2, National Research Tomsk State University, Tomsk, pp. 36–41.
8. Mikhailova, E.E., and Soboleva, N.A. (2020), *N.I. Kareev o dialoge kultur v rusle vozzreniy zapadnoevropeyskikh filosofov XVIII–XIX vekov* [N. I. Kareev on the dialogue of cultures in the perspective of Western European philosophers of the 18th and 19th centuries], in: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya* [Bulletin of Tver State University, Series “Philosophy”], no. 3 (53), pp. 150–161.
 9. Rybas, A.E. (2010), *Retseptsiya filosofskikh idey A.A. Bogdanova na Zapade* [Reception of A.A. Bogdanov's philosophical ideas in the West], in: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezh-dunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6: “Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relationships”], no. 4, pp. 25–29.